

деленного и давно укоренившегося учебного стереотипа во взгляде на Византию, что невольно возникает искушение переадресовать самому К. Мюллеру и еще

один упрек, который он столь часто бросает византийцам, а именно упрек в традиционализме.

С. А. Иванов

Eliz. A. Zachariadou. *Trade and Crusade. Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300—1415)*. — Library of the Hellenic Institute of Byzantine and Post Byzantine Studies. Venice, 1983, N 11. XXXVI + 276 p., 2 pl.

Монография профессора Монреальского университета Элизабет Захариаду представляет собой исследование всего комплекса взаимоотношений Венецианской республики и турецких эмиратов Айдын и Ментеше со времени их образования на Эгейском побережье Малой Азии вплоть до их окончательного поглощения Османским государством. В книге впервые публикуются восемь договоров, заключенных венецианскими дуками Крита с эмирами бейликов Ментеше и Айдын в период с 1331 по 1407 г.

Исследование этих документов позволило Э. Захариаду существенно расширить представления (сложившиеся благодаря работам В. Гейда, Л. де Мас Латри и Фр. Тирье) о венецианско-турецких взаимоотношениях в XIV — начале XV в. С выходящей монографией Э. Захариаду можно уже с полным основанием утверждать, что Эгейское побережье Малой Азии занимало особое место в сфере коммерческих интересов венецианских купцов. В первой половине XIV в. по ряду причин тамошние рынки приобрели крайне важное значение для республики Св. Марка: папские интердикты периодически нарушали ход венецианской торговли с Мамлюкским султанатом, доступ на византийские рынки был затруднен, на Черном море господствующее положение занимали генуэзцы. Перед венецианцами стояла, таким образом, задача найти новые рынки, чтобы обеспечить, в первую очередь зерном, свои обширные владения в Рومании.

Первую часть своей книги, посвященную политической истории региона (с. 1—121), Э. Захариаду начинает с рассмотрения общеполитической ситуации в Румании в первой трети XIV в. (с. 3—20), в основном уделяя внимание Хиосу, перешедшему в руки генуэзского клана Дзаккария, и Родосу, ставшему оплотом Ордена госпитальеров. Далее автор переходит к анализу каталонско-турецких и византийско-турецких отношений этого периода. Как отмечает Э. Захариаду, угроза морским коммуникациям и островным владениям Венеции стала ощутимой с конца 20-х годов XIV столетия (в 1332 г. дука Наксоса даже был вынужден пойти на заключение соглашения с турками, по которому обязался

выплачивать дань). По этой причине республика Св. Марка стала настойчиво ратовать за создание антитурецкой лиги.

Во второй главе (с. 21—40) показано, что успеху созданной в 1332—1334 гг. лиги, в которую вошли Венеция, Орден госпитальеров, король Кипра и другие участники, способствовали распри среди турецких эмиров. Республике Св. Марка удалось добиться дружественного нейтралитета со стороны бея Ментеше и влиятельного эмира Гермянского бейлика. Уже в 1331 г. дука Крита Марино Морозини заключил первое торгово-политическое соглашение с Орханом Ментешеоглу (Дос. 1331 М), причем, по мнению автора (с. 18), есть все основания полагать, что подобные договоры могли быть заключены с эмиром Ментеше еще до 1318 г. Флот лиги одержал крупные победы над турками, и это вынудило айдынских беев, наиболее досаждавших своими набегами владениям Венеции в Румании, пойти на заключение мирного соглашения (Дос. 1337 А). Было подтверждено также и прежнее соглашение с беем Ментеше (Дос. 1337 М).

Интересны собранные автором данные о деятельности Марино Морозини в качестве Генерального капитана лиги. Они позволяют, на наш взгляд, с большим доверием относиться к сообщению турецкой хроники Энвери (составлена в 1465 г.) о нападении соединенного флота «текфура», госпитальеров и кипрского короля в конце 1333 г. на Смирну¹. Ведь этим «текфуром» как бывший дука Крита вполне мог быть Марино Морозини.

Одним из важных последствий успешных действий лиги было сближение эмиратов Айдын и Сарухан с Византией, которая во время Фокейской войны (1335—1336) с генуэзцами нашла в лице турок естественных союзников.

Э. Захариаду отмечает, что передышка, полученная латинянами Румании, была непродолжительной, и в следующей главе своей работы (с. 41—62) рассматривает причины создания новой антитурецкой лиги и ход борьбы за Смирну — гнездо корсаров Умура Айдыноглу. Используя ряд ранее не привлекавшихся источников², Э. Захариаду удачно дополняет известные работы П. Лемерля к К. М.

¹ Le Destan d'Umur Pacha/Texte, trad. et notes par I. Melikoff-Sayar.— In: Bibliothèque byzantine. P., 1954, Doc. 2, v. 835—848.

² Например: *Morozzo Della Rocca R. Lettere di mercanti a Pignol Zucchetto (1336—1350)*. Venezia, 1957. Э. Захариаду также справедливо (с. 44, примеч. 174) отмечает, что анонимный неаполитанский автор XIV в. (*Historiae Romanae Fragmenta*.— In: *Antiquitates Italicae Medii Aevi*/Ed. L. Muratori, Milano, 1740, v. III) заслуживает большего доверия: очевидно, имея в виду скептическое отношение к его сочинению, установившееся после отрицательной оценки Н. Йорги (см.: BZ, 1906, XV, p. 194, note 3).

Сеттона³. Отметим лишь одну неточность: весной 1345 г. Умур не вступал в военный конфликт с Сарухан-беом (с. 51), а лишь уступил последнему часть территории своего эмирата, получив за это разрешение провести войска к Геллеспонту⁴.

Захват крестоносцами Нижнего города Смирны еще не означал полного поражения турок. Военные действия затянулись, по всей Романии свирепствовал голод. В этих условиях госпитальеры пошли на заключение в 1346 г. сепаратного соглашения с братом Умура Хызыром Айдын-оглу (Дос. 1346 А)⁵.

Трудности чередовались, однако, с успехами: в 1347 г. у о-ва Имброс крестоносцы разгромили турецкий флот (как установила Э. Захариаду, флот айдынского и саруханского эмиров), а весной следующего года в сражении под стенами Смирны пал Умур-бей. Все это вынудило Хызыра Айдыноглу пойти на заключение договора с членами лиги (Дос. 1348 А)⁶. Но, поскольку ратификация договора по ряду причин затянулась, Хызыр-бею удалось, используя венецианско-генуэзский конфликт (1351—1355), заключить сепаратные соглашения как с Генуей (1351 г.), так и с Венецией (Дос. 1353 А).

В 1358—1359 гг. были заключены новые соглашения: не дошедший до наших дней договор венецианцев с айдынским беом и договор дуки Крита Пьетро Бадое-ра с Мусой Ментешеоглу (Дос. 1359 М).

Эти соглашения, считает Э. Захариаду, означали, что Венеция перестала вынашивать планы крестового похода против турок. Причины этого выявляются автором в следующей главе (с. 63—75) монографии, где дальнейшее развитие политико-экономических контактов венецианского Крита с эмиратами Айдын и Ментеше рассматривается на фоне роста мощи Османской державы. Османцы в конце 40-х годов XIV в. присоединили к своим владениям бейлик Караси, а в 1354 г. захватили Галлиполи, ставший отправной точкой для последующих завоеваний в Европе. В этот период Венеция старалась сохранять дружественные отношения с турками. Республика Св. Марка не приняла участие в антитурецких акциях кипрского короля Петра I Лузиньяна (в начале 60-х годов) и графа Амадея Савойского, отбившего у османцев Галлиполи в 1366 г. Подобная позиция Венеции объяснялась не только постоянной зависимостью островных владений республики от ввоза турецкого зерна, но и действием ряда других факторов. Так, например, в 1363—1365 гг. турецкие наемники были использованы Вене-

цией для подавления мятежа на Крите.

Э. Захариаду, тем не менее, отмечает, что эмиры нередко нарушали условия соглашений, а иногда попросту грабили венецианских купцов. Это приводило к длительным тяжбам, угрозам применения военной силы со стороны Венеции, но в конечном счете интересы взаимной выгоды брали верх: в 1370 г. новое соглашение было заключено с айдынским эмиром (с. 72), а в 1375 г. — с Ахмедом Ментешеоглу (Дос. 1375 М). Подобная политика Венеции по отношению к эмиратам оставалась неизменной вплоть до 1389—1390 гг., когда бейлики Айдын и Ментеше были завоеваны османцами.

В следующей главе (с. 76—89) автор показывает, что османское завоевание бейликов пагубно отразилось на торговых связях венецианцев с этим регионом. Султан Баязид I запретил вывозить отсюда зерно, строевой лес, лошадей.

Положение изменилось лишь после того, как держава Баязида рухнула под ударами полчищ Тимура (1402 г.). В 1403 г. дука Крита Марко Фальер заключил соглашение с получившим престол из рук Тимура беом Ментеше Ильясом (Дос. 1403 М). Этот договор подтверждался в 1407 (Дос. 1407 М), в 1409 и 1414 гг. (Дос. 1414 М)⁷.

Что же касается эмирата Айдын, то там, как полагает Э. Захариаду, венецианцам не удалось восстановить свои прежние позиции. Это объяснялось сложностью внутривнутриполитической ситуации: пришедший к власти в результате междоусобной борьбы Джужейд-бей стал заметной фигурой в период борьбы за османский престол сыновей султана Баязида, и по этой причине бейлик неоднократно становился полем боя для соперничавших сил.

При анализе политической обстановки в Анатолии периода Междоусобия (1403—1413) Э. Захариаду во многом поновому рассматривает ход исторических событий, предлагая, в частности, ряд новых датировок. Например, автор совершенно обоснованно пишет о том, что эмираты Айдын и Ментеше попали под власть Мехмеда I еще до июля 1414 г. (с. 86, примеч. 386), а не летом 1415 г., как полагали ранее. Со своей стороны заметим, что это завоевание имело место в конце 816/3.4 1413 — 22.3 1414 г., поскольку в этом году в Айасулукке и Балате чеканились монеты с именем султана Мехмеда I⁸. Вместе с тем некоторые исправления автора (в частности, пересмотр даты похода Ильяса Ментешеоглу на Айасулук), на наш взгляд, либо не совсем точны, либо нуждаются в более развернутых доказательствах.

³ Lemerle P. L'Emirat d'Aydin, Byzance et l'Occident. Recherches sur «La Geste d'Umur Pacha». — In: Bibliothèque byzantine. P., 1957, Etudes 2; Setton K. M. The Papacy and the Levant (1204—1571). Philadelphia, 1976—1978. Vol. 1—2.

⁴ Lemerle P. Op. cit., p. 206, 212—213.

⁵ Договор уже был издан. См.: Zachariadou E. A. Mià èλληνοβλῶσση συνθήκη τοῦ Χηδῆρ Ἀϊδινόγλου. — ВЗ, 1962, 55, p. 254—265.

⁶ Договор также издан в: Diplomatarium Veneto-Levantinum/Ed. G. M. Thomas. Venetiis, 1880, v. 1, p. 313—317.

⁷ Договоры 1403, 1414 гг. опубликованы также в: Diplomatarium Veneto-Levantinum/Ed. R. Predelli. Venetiis, 1899, v. II, p. 293—296, p. 305—306.

⁸ Oğcer C. Yıldırım Bayezid'in oğullarına ait akça ve mangırlar. İstanbul, 1968, s. 72, 75—76.

Период Междоусобия (Fetret devri) чрезвычайно сложен для исследования. Необходимо как можно более полно использовать как нумизматический материал, так и османские хроники, несмотря на присущие им известные недостатки. Между тем автору свойственно скептическое отношение к османским хроникам, которое проявляется и в других работах Э. Захариаду⁹.

Сказанное относится также к просопографическим заметкам (с. 105—116), следующим за главой, посвященной венецианским территориям в Романии (с. 90—103), в которых, на наш взгляд, допущен ряд неточностей. Например, источниками не подтверждается¹⁰ утверждение автора о наличии у Мехмеда Айдыноглу сыновей, кроме тех, о которых пишет Эввери (с. 112). Недостаточно убедительно, на наш взгляд, также предположение автора о том, что Иса, свергнутый с престола Баязидом I, был не сыном Мехмеда Айдыноглу, а сыном Сулейман-шаха (с. 115—116).

Рассматривая вопрос о происхождении Джунейд-бея, Э. Захариаду подвергла заслуженной критике попытку турецкого историка Х. Акына доказать, что Джунейд был сыном Ибрахим-Бахадура Айдыноглу и, таким образом, являлся по прямой линии наследником престола айдынских беев (с. 83—84, примеч. 365), однако вопрос о происхождении измирского бея остался нерешенным. В этой связи следует обратить внимание на отрывок из переработки хроники Нешри (сделанной в Измире в начале XVI в.), который не попал в поле зрения ни Х. Акына, ни Э. Захариаду. В нем говорится, что бейлербеем Исы Айдыноглу был Кара Ибрахим¹¹. Османские хронисты подчеркивают, что Джунейд, или, как его называет Нешри, Кара Джунейд, принадлежал к Айдынской династии¹². Дука называет Ибрахима, отца Джунейда, Кара субаши¹³. Сопоставив все эти данные, можно с достаточной уверенностью заключить, что Джунейд был сыном Кара Ибрахима, по всей видимости, сына одного из братьев Мехмеда Айдыноглу (основателя эмирата), который при Исе занимал пост бейлербея, а во время османского правления — пост субаши Измира.

Чрезвычайно интересна глава «Турция» (с. 117—121), в которой Э. Захариаду приходит к любопытному выводу о том, что в XIV в. термин *Turchia* употреблял-

ся венецианской и критской администрацией не только в широком смысле, как в предыдущем столетии, когда под ним подразумевались земли, находившиеся под властью сельджукского султана, но и в более узком значении, применительно лишь к эмирату Менеше. Бей Менеше именовался в венецианских документах *Dominus Turchie*. Объяснение данному факту, считает автор, следует искать в том, что с этим эмиратом венецианцы наладили отношения (1300 г.) прежде, чем с другими бейликами, и продолжали сохранять их в течение более ста лет.

Вторая часть монографии Э. Захариаду (с. 125—173) представляет собой анализ серии публикуемых соглашений. В XIV — начале XV в. центрами торговых операций венецианских купцов были: в эмирате Айдын — Теолого (Эфес, Айасулу), в эмирате Менеше — Палатья (Милет, Балат). По названиям этих городов венецианцы именовали айдынского бея эмиром Теолого, а бея Менеше — эмиром Палатья.

Основными предметами вывоза были зерно, скот, квасцы, рабы; основными предметами ввоза — ткани, серебро, вино, мыло.

Э. Захариаду впервые рассматривает вопросы, связанные с ограничениями свободы торговли в эмиратах (с. 132—136). Автор устанавливает значение термина *gabella*, встречающегося в текстах договоров, и приходит к выводу, что он, в сущности, означал монополию. В эмиратах *gabella* (арабск. *kaḥala*, турец. *kaḥale*, русск. кабала) устанавливалась на торговлю вином, мылом, тканями, квасцами, воском и кожами. Э. Захариаду, однако, замечает, что из текстов договоров не всегда можно установить, когда речь идет о государственной монополии или монополии, переданной государством в руки частных лиц, а в каких случаях — о монополии откупщика (с. 135).

Венецианцы постоянно стремились ограничить сферу деятельности монополий. Например, в первом договоре с беим Менеше (Doc. 1331 M, § 13) оговаривалось, что монопольное право закупать привозное вино принадлежало некоему *pamatarī dicti admirati*. Однако он мог пользоваться этим правом лишь в течение 10 дней, по истечении этого срока купцы могли продавать вино любому другому покупателю.

⁹ См. например: *Zachariadou E. A. Süleyman Gelebi in Rumili and the Ottoman chronicles.* — *Der Islam*, 1983, 60, p. 268. Заметим, что, вопреки мнению автора (*Op. cit.*, p. 286), старшим среди сыновей Баязида I после гибели Эртогула был Сулейман, а не Иса.

¹⁰ См., например, панегирик Айдынской династии у Фахри (*Fahrîs Husrev u Sîrîn: eine türkische Dichtung von 1367/Hrsg. von B. Flemming. Wiesbaden, 1974, S. 267—268*).

¹¹ *Mehmed Neşri. Kitâb-ı Cihan-nümâ. Neşri tarihi. Hazırlayanlar: F. R. Unat — M. A. Köymen, c. I—II. Ankara, 1949—1957, s. 166.* Автор этой редакции с конца XV в. проживал в Измире, занимая одно время должность тюребедара при имарете Джунейд-бея (*Ménage V. L. Neshri's History of the Ottomans. The Sources and Development of the Text. L., 1964, p. 54—57*).

¹² *Aşıkpaşazade. Tenvârih-i Al-i Osmandan. Asikpaşazade tarihi. Ali neşri. Istanbul, 1332, s. 107; Mehmed Neşri. Op. cit., s. 560, 582.*

¹³ *Witteck P. Das Fürstentum Mentésche. Istanbul, 1934, S. 95.*

Поскольку термин *namatar* остался не расшифрованным, можно предположить, что в данном случае речь идет о хранителе эмирских винных погребов (*şarabdarı-emir*). Возможно, в тексте договора вместо персидского слова *шараб* (вино) стоит знаменитое кипрское вино *v̄ā α* (в византийский период вино для причащения)¹⁴.

На страницах, посвященных правам консулов (назначаемых на 1—2 года властями Крита) в Палатъе и Теологе и их отношениях с местными властями (с. 137—139), Э. Захариаду, в частности, анализирует встречающуюся в нескольких договорах статью, гласящую, что три весовых эталона (таких мер, как *шиник* и *батман*) должны находиться в руках а) венецианского консула, б) *найма*, в) *passias*, он же *mensurator*. Э. Захариаду не сомневается, что слово *passias* означает паша, хотя и усматривает в этом некоторую странность (с. 138). Представляется, что в данном случае *passias* — это баджи (сборщик таможенных и рыночных пошлин)¹⁵.

Уделив несколько страниц (с. 140—143) описанию монет, которые, судя по договорам, имели хождение в эмиратах, Э. Захариаду переходит к рассмотрению бывших в употреблении мер и весов (с. 144—152), среди которых, в частности, встречается *seruch*. Этот термин появляется лишь в одном из договоров (Дос. 1377 А, § 7), текст которого представляет собой копию с оригинального латинского, а не греческого, как в других случаях, текста (с. 181). Поэтому, как нам кажется, нельзя исключить возможности того, что *seruch* — это просто искаженное написание меры *шиник* (*sinichi*), столь часто встречающейся в текстах договоров. Что же касается конкретной величины *шиника*, то при ее вычислении автор (с. 148—149), как представляется, не совсем точен. Соотношения между мерами (такими, как *мюд*, *киле*, *шиник*, *окка*) в Западной Малой Азии в XIV—XV вв., как правило, было одинаковым. Например, со времен Ф. Б. Пеголотти (30-е годы XIV в.) 1 *мюд* был равен 20 *киле*¹⁶, в 1 *киле* было 20 *окка*¹⁷. Любые отклонения фиксировались в османских законоуложениях (*канун-наме*) для отдельных провинций (лива). Так, например, в ливе Айдын 1 *окка* (*вукйе*), вопреки известной турецкой поговорке¹⁸, был равен 300 *дирхемам*, что, несомненно, отражало доосманскую практику¹⁹. Поэтому *шиник* вряд ли мог быть другой мерой, чем

четвертью *киле*, как это было в XV—XVI вв., в частности и в *санджаках Айдын* и *Сарухан*²⁰.

В главе о пошлинах (с. 153—158) Э. Захариаду отмечает, что эмиры бейликов Ментеше и Айдын проводили различную политику в области налогообложения. Если в эмирате Ментеше торговые пошлины оставались в целом неизменными (за некоторыми исключениями, 2% как на экспортируемые, так и на импортируемые товары) вплоть до окончательного присоединения бейлика к Османскому государству, то в эмирате Айдын беи по крайней мере дважды увеличивали пошлины. В эмирате Айдын до заключения в 1337 г. первого соглашения с венецианцами привозные товары пошлиной не облагались (кроме вина и мыла). Экспортные пошлины достигали 2—4%. Впоследствии экспортные пошлины были увеличены до 4—6%, а также установлена 2-процентная пошлина на ввозимые товары. Вино и мыло по-прежнему облагались особыми пошлинами. Э. Захариаду отмечает, что в Айдынском эмирате венецианцам приходилось улачивать более высокие пошлины, чем в Танае или Трапезунде (с. 158).

Издание договоров предвдварает всгупление (с. 177—186), в котором автор анализирует язык, структуру документов, и в частности выявляет отличия договоров, заключенных дуками Крита с турецкими эмирами, от договоров Хызыра Айдын-оглу с госпитальерами и папой (1346—1348 гг.).

Издание договоров осуществлено Э. Захариаду по двум спискам: а) Йельского университета (США). Список XV в.; б) венецианского музея Коррер. Список XVI в. (копия списка Йельского университета). Изданные договоры представляют собой копии с текстов из утраченной Книги дуки Кандии. В эту Книгу договоры заносились после ратификации, уже будучи переведенными с греческого на латынь. Договоры (Дос. 1331 М) и (Дос. 1337 А) были переписаны с латинских оригиналов (поскольку проекты договоров, составленные в критской канцелярии, были приняты эмирами без поправок), и лишь латинский перевод части договора (Дос. 1358/59 М) сделан с турецкого оригинала (письма Мусы Ментеше-оглу).

Завершают монографию, отличающуюся хорошо продуманной композицией, краткий терминологический словарь и индекс. Важность исследования Э. Захариаду

¹⁴ *v̄ā α* — the wine employed at the eucharist (Greek Lexicon of Roman and Byzantine Periods from B. C. 146 to A. D. 1100 by E. A. Sophocles. New York; Leipzig, 1893).

¹⁵ Васси: *gümrukçü*, *vergi*, *resim alan* (Тарамма Сözlüğü, I, Ankara, 1963, s. 361). О функциях бадждара (*bacdar*), так чаще именовался сборщик баджа, см.: *Barkan O. L. XV ve XVI inci asırlarda Osmanlı İmparatorluğunda zirai econominin hukukî ve malî esasları*, с. 1. *Kanunlar*; Istanbul, 1945, s. 16, § 60; s. 17, § 67.

¹⁶ *Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970, с. 57—58.

¹⁷ Там же, с. 52.

¹⁸ *okka her yerde dört yüz dirhem* (окка всюду четыреста дирхемов, т. е. куда ни кинь — все клин).

¹⁹ *Barkan O. L. Op. cit.*, s. 10, § 30.

²⁰ *Güçer E. XV—XVII asırlarda Osmanlı İmparatorluğunda tuz inhisarı ve tuzları işletme nizamı.*— IÜİFM, 1962—1963, 23, s. 123.

Для изучения истории венецианской Романии очевидна. Не будет также преувеличением сказать, что выход в свет монографии Э. Захариаду открывает новый этап в изучении периода бейликов в истории Турции. Серия договоров, опубликованных автором, и их предварительный анализ, проведенный на высоком научном уровне, дают в руки туркологов уникальный материал, позволяющий перейти к исследованию внутриэкономической жизни

и бейликов, о которой известно очень мало. Что же касается отмеченных неточностей, то они неизбежны в исследовании подобного рода, где автору пришлось обработать огромный и чрезвычайно сложный материал. Кроме того, автору присуще стремление не уходить от обсуждения и высказывать свое мнение по неясным вопросам, и это — вне всякого сомнения, одно из достоинств работы.

К. А. Жуков

H. Maguire. *Art and Eloquence in Byzantium*.—Princeton University Press, New Jersey, 1981. 148 p.

Уже в первых строках введения к этой хорошо изданной и обильно иллюстрированной книге высказана основная мысль, обоснованию и развитию которой посвящено все исследование: проповеди и гимны, исполнявшиеся в византийской церкви, оказывали значительное влияние на приемы, которыми византийские художники иллюстрировали священные тексты. Проповедники расцветивали средствами античной риторики лаконичные и сухие евангельские эпизоды, применявшиеся ими литературные приемы и украшения воздействовали, в свою очередь, на иконографию и даже композицию и стиль произведений средневековых живописцев. Итак, появилась новая работа о византийской риторике, на этот раз исследующая ее в новом и нетрадиционном аспекте: в ее взаимоотношениях с изобразительным искусством¹.

Воззрения на византийскую риторику в последние десятилетия подверглись коренным изменениям. Для Г.-Г. Бека, Г. Хунгера, Г. Кустаса и некоторых других риторики — уже не утомительные и многословные упражнения праздных умов и любителей пустой болтовни, а выражение стиля мышления и даже жизни средневековых греков². Автор книги, по-видимому, разделяет эту точку зрения — во всяком случае, исследования упомянутых ученых с сочувствием цитируются на тех ее страницах, где в самых общих чертах излагаются история и принципы византийского образования и риторики. Трактующие об этом разделе носят обзорный и компилятивный характер, пересказывают в общем хорошо известные истины, но их цель — подвести читателя к тем сюжетам и приемам византийских художников, которые, по видимости, навеяны риторикой.

Задавшись вопросом о путях осуществления влияния, Г. Мэгир решительно отвергает мысль о сознательном перенесении в живопись риторических мотивов и методов. В византийских художниках подчас нельзя предполагать не только искренности в риторических тонкостях, но и элементарной грамотности. Риторическая техника, по словам Г. Мэгира, стала частью «ткани литературы, литур-

гии и мышления» византийской церкви и как бы со всех сторон окружала трудившихся в храмах живописцев.

Основные разделы книги посвящены анализу живописных мотивов и приемов, ведущих, по мнению автора, происхождения из риторики (Г. Мэгир утверждает, что не только не исчерпывает всего материала, но лишь поверхностно его касается). Совершенно при этом естественно, что самая большая глава посвящена экфразе (т. е. литературно-риторическому описанию), которая по природе своей должна языковыми средствами вызвать у слушателей и читателей зрительные ассоциации. Из множества разновидностей экфраз выбираются три: описание войны (живописной иллюстрацией к ней служат сцены избития невинных младенцев), описание мученичества (живописная параллель — изображение сорока мучеников; одно из самых знаменитых, выполненное в словенской кости, хранится в коллекции Государственного Эрмитажа) и описание весны (сравнивается с изображением весенней природы в сценах Благовещения).

Г. Мэгир усматривает здесь множество сходных мотивов, большинство которых (как в литературе, так и в живописи) имеют начало в античной риторике. Искусство экфразы, согласно несколько выпяченному определению автора, — «это подспудная и длительная весна эллинизма в византийском искусстве» (с. 52).

Если в главе об экфразе речь шла о заимствовании мотивов, то в следующем разделе, посвященном антитезе, трактуются предметы, куда менее поддающиеся рациональному анализу. Антитеза, по Г. Мэгиру, была в церкви чем-то много большим, нежели фигурой стиля. Она была «привычкой мышления» (*habit of thought*), дававшей христианским писателям готовую, идущую еще от античности форму, в которую они отливали парадоксы своей веры. Вряд ли в данном случае следует ограничивать значение антитезы стенами христианского храма. Некоторые современные ученые справедливо пишут об амбивалентности византийского мышления и мироощущения вообще. Антитеза в живописи (впрочем;

¹ Проблемы соотношения риторики и искусства, как об этом справедливо пишет сам Г. Мэгир, обсуждались неоднократно в применении к эпохе итальянского Ренессанса. На византийском материале о том же писал К. Онан: *Onasch K. Die Ikonenmalerei: Grundzüge einer systematischen Darstellung*. Leipzig, 1967.

² См. об этом в нашей книге: *Любарский Я. Н. Михаил Целл: Личность и творчество*. М., 1978, с. 152 и след.